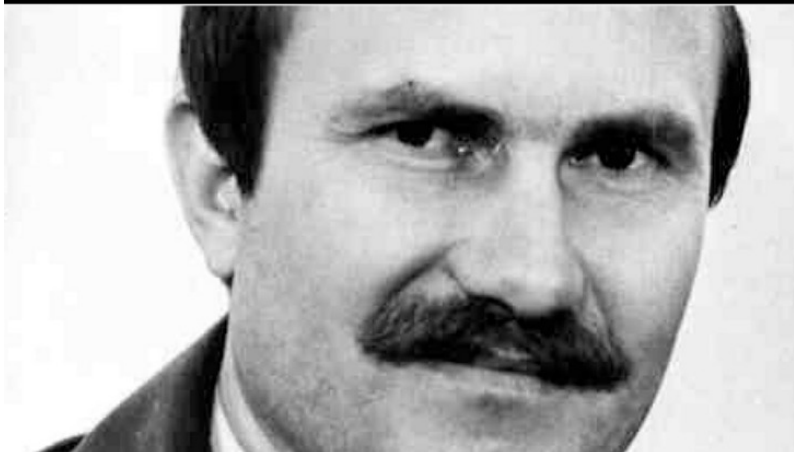

Петр Алешкин

Моя тропинка

О писателях, о литературе, о кино,
о молодежи, о мифах и о себе

Петр Алешкин
**Моя тропинка. О писателях,
о литературе, о кино, о
молодежи, о мифах и о себе**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101657
ISBN 9785448345333*

Аннотация

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием – поток действия. В книгу включены документальная повесть «Мой Леонид Леонов» – о многочисленных встречах автора с великим писателем – и статьи и воспоминания о других классиках русской литературы, с которыми сводила автора его активная жизнь, о литературе, о кино, о молодежи, о мифах и о себе.

Содержание

Вместо предисловия. Моя тропинка	5
О писателях	32
Мой Леонид Леонов	32
1. Знакомство	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Моя тропинка

**О писателях, о литературе,
о кино, о молодежи,
о мифах и о себе**

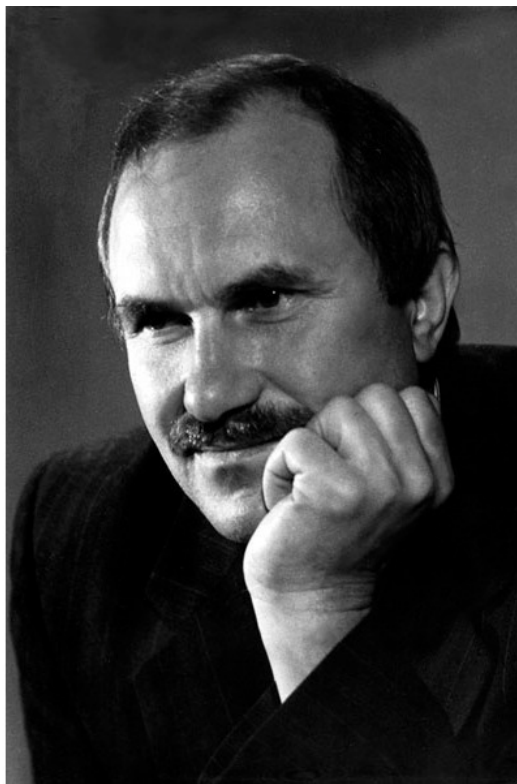
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-4533-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия. Моя тропинка

В детстве я считал, что живых писателей нет – они либо

на дуэлях погибли, либо покончили с собой, – и я буду единственным живым русским писателем. Бывает, когда в веселом застолье я говорю об этом новым знакомым и добавляю, что окончил школу при керосиновой лампе, что впервые в город попал, увидел двухэтажный дом и телевизор в семнадцать лет, все считают, что родился я в глухомани, в тайге. Нет, родился я в центре России, в Тамбовской области, через четыре года после окончания войны.

Не помню, с каких лет я стал видеть себя писателем, не понимаю, почему, как и откуда ко мне, сыну неграмотных крестьян, – мать совершенно не может читать и писать, а отец окончил два класса, – откуда ко мне пришла мечта о литературной славе. Совершенно не помню и не понимаю. Помню только: был уверен, что лет в двадцать буду знаменит на весь мир. Начал я писать не рассказ, не повесть и даже не роман, а трехтомную эпопею. Чего мелочиться! А было мне в ту пору лет девять-десять. Никто – ни в семье, ни друзья не знали о моей мечте, не догадывались, что я пишу. Просто прилежный мальчик усердно выполняет школьные уроки.

Первой мечтой моей были самолеты: хотелось стать военным летчиком, и я, естественно, разболтал об этом. Брат мой, – он старше на три года, – вышучивал меня, издевался, говорил: «Да, ты будешь летчиком, будешь не летать, а со стола куски хватать!» Это меня сильно обижало. В детстве я был маленького роста, слаб, отставал от сверстников физически и больше всего не переносил, когда надо мной

смеялись. Поэтому никто в деревне не знал о моей мечте до тех пор, пока не вышла первая книга.

Помнится, в девятом классе я решил послать один из своих рассказов на конкурс в «Комсомольскую правду». После творческой неудачи с трехтомной эпопеей я перешел на рассказы. Запечатывал и подписывал конверт в интернате, где тогда жил, в большой комнате, и кто-то из одноклассников заметил, что на конверте я пишу адрес редакции, сказал ребятам, и они навалились на меня, пытаюсь отнять письмо. Я вырвался, выскочил на улицу. Ребята за мной. Я влетел в женский туалет и бросил письмо в яму. Я страшно боялся, что моя мечта станет известна, и я буду посмешищем.

Я понимал, что писатель не только для меня, но и для моих односельчан существо сверхъестественное, небожитель. Естественно, как только узнают о моей мечте, мнение друзей и односельчан будет единым: у человека, который постоянно мельтешил среди них, как все косил траву, пас гусей, копался в огороде, а по вечерам гонял в клубе девок, и который, оказывается, хочет быть писателем, у такого человека не всё в порядке с головой.

В школе мне ни разу не пришла в голову мысль поступать в Литинститут или во ВГИК. Куда мне. Мой самый счастливый удел – Тамбовский пединститут, литфак. С первого захода туда я не прошел по конкурсу. В то время шла школы с одиннадцатилетки переводили на десятилетку. Сразу два класса выпустили. И конкурс в вузы в два раза увеличился.

Год проболтался в деревне. Писал, читал, мечтал. Из книг о писателях узнал, что для успешной литературной работы нужен богатый жизненный опыт, и по комсомольской путевке отправился строить газопровод «Средняя Азия – Центр», поехал за тем, чтобы набраться впечатлений, жизненного опыта.

В Тамбовский пединститут поступил только после службы в армии, поступил и уехал в Харьков, где, помытарствовав немного, оказался на тракторном заводе. Здесь, в Харькове, я встретил первого живого писателя, здесь началась моя литературная жизнь, здесь я увидел первые свои опубликованные вещи, первую книгу.

Помнится, в первые дни в Харькове я прочитал объявление на одном из ДК, что набираются слушатели в Народный университет культуры на литературный факультет, который ведет член Союза писателей Г. М. Гельфандбейн, прочитал и немедленно записался. Помнится, с каким трепетом ожидал я в небольшом зале ДК появления первого живого писателя, небожителя. Гельфандбейн оказался пожилым человеком, крупным, высоким, неторопливым, но очень энергичным и эмоциональным. Помню, как неторопливо входит он в зал, подходит к столу, выдвигает стул, но не садится, оглядывает приветливо нас, слушателей – старушек, девиц и меня. Смотрел я на него с обожанием, слушал с восторгом, не знаю, предчувствовал ли я тогда, какую роль сыграет в моей жизни Герш Менделеевич Гельфандбейн, Григо-

рий Михайлович. После одного из занятий я шел к автобусной остановке вслед за Григорием Михайловичем, волнуясь, как подойти к нему? Как начать разговор? Не знаю, догадался ли он о моих мучениях, но приостановился и заговорил со мной. Вероятно, он давно заметил своего усердного слушателя, не пропустившего ни одного занятия. Я проводил его к остановке, признался, что пробую писать. Он сам попросил показать ему мои вещи. Я пообещал, но не принес, постеснялся. Перечитал дома, и показалось таким жалким все то, что я написал. Стыдно.

В те дни я уже работал сборщиком на тракторном заводе, жил в общежитии, и все свое свободное время проводил в читальном зале заводской библиотеки. Какая замечательная читалка была у завода! Богатейшая, многолюдная, с приветливыми, влюбленными в свое дело библиотекарями, и работала тогда аж до десяти часов вечера. Прямо из цеха, заканчивалась смена в четыре часа дня, я шел в нее, читал, писал контрольные работы и рассказы. Первая моя книга написана там. Библиотекари, думается, быстро поняли, чем я дышу, и однажды одна из них сказала мне, что при читалке работает заводская литературная студия, и спросила – не желаю ли я пойти туда. Как вы понимаете, я желал да еще как желал! Она повела меня в комнату, где я увидел, кого вы думаете?.. Я увидел Гельфандбейна.

С этого дня для меня началась новая жизнь, та жизнь, о которой я мечтал в деревне Масловке. Не знаю, почему

Григорий Михайлович сказал, когда началось занятие, что напрасно он не хотел идти на ХТЗ руководить студией. Он только что сменил другого руководителя. Потом Гельфанд-Бейн повторит эти слова, когда я принесу на обсуждение свои стихи. Да-да, в студию я пришел со стихами. Не знаю, почему он так сказал, но мне, грешному и тщеславному, так хочется связать его слова с моим появлением в студии, где были тогда почти одни пенсионеры. Ирина Полякова появилась одновременно со мной и сразу влюбила в себя всех своими романтическими стихами. Было ей тогда, как и мне, девятнадцать лет.

Петр Алешкин и Григорий Михайлович Гельфандбейн

Григорий Михайлович был строг и безжалостен к нашим литературным текстам, не жалел и пенсионеров. Он часто повторял: литература – дело жестокое! Старики были обидчивы и, как все пишущие, легко ранимы. После разгромного разбора их стихов и романов больше не появлялись в студии. Не знаю, как бы я повел себя, если бы на первом же занятии мои стихи разгромили безжалостно, а они этого достойны, но встретили их доброжелательно, заинтересованно. Отме-

тили и достоинства и, конечно, кучу недостатков.

Больше стихов я не приносил, но рассказы мои обсуждались два раза в месяц. Задумав рассказ, я делал заявку заранее, а потом, чтобы не обмануть руководителя и новых друзей, заставлял себя его написать. Вскоре меня избрали старостой студии.

Один за другим появлялись молодые ребята. Мы быстро становились друзьями. Одного раза в неделю на обсуждение наших стихов и рассказов нам, молодым и голодным, было мало, и мы образовали свой кружок, стали собираться на квартире Андрея Коновко, читать и разбирать свои произведения.

Мы часто выезжали в лес, позагорать на Донце или просто побродить, поговорить о литературе. О ней можно говорить бесконечно. Вместе отмечали праздники и дни рождения. Мы влюблялись и флиртовали в студии, находили здесь свое личное счастье. Поэты Ирина Полякова и Володя Глебов поженились, и Андрей Коновко встретил свою жену здесь. Теперь у них взрослые дети, счастливые семьи. Мы были друзьями, но как мы были безжалостны к неудачным рассказам друг друга, и как радовались удачам! Помнится, Славик Еремкин так разделал один из моих рассказов, критиковали его и другие, но он был особенно насмешлив и жесток, говорил такие слова, что я потом всю ночь не спал, лежал в лихорадке, всю ночь спорил про себя со Славиком, доказывал ему, что он не понял меня, что рассказ не так плох.

Вероятно, и после моих разборов некоторым моим друзьям тоже не спалось. Но тем не менее такая критика нас не разъединила: у меня после разгрома всегда было страстное желание написать сильную вещь, доказать, что рассказ, который разбили, моя временная неудача. Я писал, приносил, читал, слушал похвалу, с удовольствием писал другой, считал его удачным, думал – опять похвалят, но его разбивали так, что стыдно было находиться в студии. Много из того, что я тогда написал, я никогда не включал в свои сборники, и лишь небольшую часть вставил в трехтомник.

И все мы были влюблены в Григория Михайловича, с трепетом ждали появления его в нашей комнате читального зала, каждый раз провожали после занятий до автобусной остановки, жадно впитывали его слова о литературе, о литературном труде, о своих вещах. А разбирать он умел наши рассказы и стихи мастерски, просто мастерски.

Уехав из Харькова, я посещал литстудии в Тамбове, в Зеленограде, в Москве. В частности, был старостой в одном из семинаров «Зеленой лампы» при журнале «Юность», который вели профессора Литинститута известные писатели Андрей Битов и Владимир Гусев, был несколько лет членом литобъединения при Московской писательской организации у Валерия Осипова и Леонида Жуховицкого, участвовал в V Московском и VIII Всесоюзном совещаниях молодых литераторов, где руководили семинарами самые славные писатели, но никто из них, никто не мог так умело, так точно, так

доброжелательно и глубоко разбирать наши произведения, как Григорий Михайлович Гельфандбейн.

Учеба во ВГИКе на сценарном факультете, где мастерская та же литстудия, оставила в моей судьбе слабый след. А как я стремился во ВГИК! Думал, раз в Харькове так интересно, то что же в Москве! И был разочарован. В Москве важную роль в моей литературной судьбе сыграл писатель Эрнст Сафонов, этот большой, удивительно добрый, чуткий и не равнодушный к судьбе молодых литераторов человек. И главное, я не просил его о помощи! Он сам почувствовал, сам увидел, что нужно подставить свое большое плечо, поддержать, поделиться частичкой своей энергии, чтобы молодой неокрепший литератор уверенней зашагал дальше. Думается, что сам Эрнст Сафонов сейчас и не догадывается, какую роль он сыграл в моей жизни, как он помог мне, так это для него органично, просто и естественно помогать другим. Пока есть такие люди, русская литература будет жива.

А как литератор я сын литстудии ХТЗ. Впервые от Гельфандбейна я услышал имена Василия Шукшина, Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева и Виктора Лихоносова, благодаря Григорию Михайловичу я был очарован их повестями и рассказами, с нетерпением ожидал появления в читалке свежих журналов, искал в оглавлениях эти имена, если находил, тут же с наслаждением проглатывал.

Как я тогда много читал! Удивляюсь сейчас, как я мог всюду успевать, дни, что ли, были резиновые. Я работал в те

года сначала слесарем-сборщиком на ХТЗ, а затем паркетчиком на стройке; учился заочно в пединституте, окончил и сразу поступил снова на заочное во ВГИК; следил за журналами, не пропускал ни одну заметную вещь, читал книги мастеров прозы, много читал; писал свои вещи, как видите, не так уж и мало написано; был активнейшим комсомольцем в цехе, членом бюро, даже до такой глупости доходил – выпускал цеховую стенгазету раз в две недели и аж с литературным приложением, мне это было интересно; и я не был аскетом – любил кутнуть с ребятами, погулять с девчатами, и времени у сна никогда не отнимал. Где же я находил время?

Почему же сейчас, когда я столько же часов бываю на работе, так мало времени остается для жены, для друзей, для книг своих и чужих? Да, золотое было времечко! Я счастлив, что у меня была литстудия ХТЗ, счастлив, что встретил Григория Михайловича, писателя Андрея Коновко, рядом с которым я иду двадцать с лишним лет. Григорий Михайлович сейчас по-прежнему живёт в Харькове, а литстудией ХТЗ руководит Ирина Полякова.

А в те дни слава о делах литстудии ХТЗ покатила по Харькову, потом за ее пределы. Нас стали приглашать выступать на предприятия, в ДК, на радио, на телевидение. Подборки наших стихов и рассказов охотно печатали газеты, писали о работе студии. Литобъединения других городов желали встретиться с нами.

Литстудия ХТЗ

Наконец, услышали о нас и заинтересовались в отделе культуры ЦК компартии Украины. Однажды заведующий отделом культуры ЦК приехал по своим делам в Харьков и пожелал присутствовать на занятии нашей литстудии. Помнится, тогда я читал рассказ «Шутов палец». Завотделом то ли сделал вид, то ли, действительно, был в восторге от того, как прошло обсуждение, говорил, что он не ожидал встретить такое в заводской литстудии. Я обнаглел, выступил, как староста, сказал, в ответ на его слова, что для своих книг мы еще не созрели, а вот коллективный сборник про-

зы мы бы осилили. Завотделом пообещал посодействовать и не обманул.

В планах харьковского издательства «Прапор» появился наш сборник «Солнечные зажинки» и года через три, в 1976 году, увидел свет. В нем была моя первая публикация – повесть «Рачонок, Кондрашин и др.». С одной стороны – я был рад, я начал печататься, я есть, я существую, как литератор; с другой – мне было стыдно за слабенькую повесть. Не с такой вещью хотелось появиться на свет. Но другие не печатали.

К тому времени я уже написал рассказ «В тамбовской степи», назывался он тогда «Первая правда». Задумал я большой роман о Викторе Антошкине. Он у меня живет в рассказе «Шутов палец». А рассказ «В тамбовской степи» писался как начало романа. Эпиграфом к роману служили слова Шукшина: «О человеке нужно знать три правды: как он родился, как женился и как умер». «В тамбовской степи» я рассказал, как родился Виктор Антошкин, потому он и назывался вначале «Первая правда». Писал, писал я роман, чувствую, что не вытягиваю, и бросил, отложил. Потом решил из первых глав сделать рассказ, переписал и принес на обсуждение. Встретили его хорошо, кое за что покритиковали. Я доработал и понес в областную студию, которая работала при Харьковской писательской организации. Литстудия ХТЗ – это, как бы, школа, а областная литстудия – институт. Ее посещали кандидаты в члены Союза писателей, все самые

одаренные и признанные молодые литераторы. Они теперь составляют костяк Харьковской писательской организации.

Помнится, после того, как я малость пообтерся в студии ХТЗ, наслушался об областной от новых друзей, и меня потянуло туда. Руководители наших студий были приятелями, и Гельфандбейн рассказывал Зельману Кацу о новом перспективном мальчишке, обо мне, поэтому, когда я робко заглянул туда и попросил прочитать свой рассказ, Кац согласился. Я читал рассказ «Осина», который позже включил в состав «Шутова пальца».

Сладостно вспоминать, что было после того, как я сошел с трибуны. Владимир Муровайко, украинский поэт, студент университета, ему было тогда, как и мне, двадцать лет, эмоциональный парень, вскочил, закричал с места: «К нам пришел талант!» Он еще что-то говорил восторженное на украинском языке, но я тогда плохо понимал украинский, понимал только, что рассказ ему понравился. Мне передали, что в перерыве одна молодая поэтесса сказала Кацу о рассказе, мол, это литературщина, а Кац ответил, что у него сердцевина живая. Я тогда, мальчишка, не понял, что ворвался в студию с триумфом, принял хвалебные слова как должное, мол, так и должно быть. Читал я там и другие вещи, но их разбивали безжалостно, особенно весело растоптали повестушку «Рачонок, Кондрашин и др.», справедливо растоптали. И я во второй раз ночь не спал, возражал ребятам. Это была вторая и последняя такая ночь.

Я стал привыкать к критике, а теперь к ней почти равнодушен, спокойно размышляю над критическими замечаниями. Если дельная критика, я ее непременно учитываю, перерабатываю.

Рассказ «В тамбовской степи» я принес в областную студию, когда уже прочно закрепился там, был комсоргом. Зельмана Каца сменил Микола Шаповал, и его вот-вот должен был сменить Виктор Тимченко, слепой поэт из Дергачей, удивительно энергичный и доброжелательный человек. Он у себя в Дергачах создал крепкую литстудию. За неделю до обсуждения я дал ему прочитать «Тамбовскую степь». Иду я по улице один на занятие, и за два квартала до писательской организации встречаются меня Виктор Тимченко и Виктор Бойко, украинский поэт. Тимченко взволнован. Он хорошо относился ко мне. Когда он станет руководителем студии, меня изберут председателем бюро.

– Возвращайся немедленно назад, пока тебя не видели! – возбужденно сказал мне Тимченко.

– Почему? – остановился я ошарашенный.

– Ты молодой, ты не понимаешь, что ты написал! На тебе поставят крест! Тебе закроют путь в литературу! Уходи! Скажешь потом, что заболел. Уходи!

– Нет, я буду читать! – ответил я.

– Дурачок, ты многого не понимаешь. Вернись! Тебя растопчут.

– Ну и что... Я буду читать! – твердил я.

– Тебе жить. Смотри... Но я буду тебя критиковать, – сказал Тимченко.

– Хорошо, – согласился я. – Только вы выступите в конце обсуждения.

– Договорились.

Прочитал я рассказ, и началось. С тех пор прошло около двадцати лет, мне тогда было двадцать пять, и больше никогда, ни об одном из моих рассказов и романов не говорилось столько хороших слов. Я понимал, что на этот раз заслуженно, чувствовал, что от настоящей литературы рассказ отделяет всего один шаг. Но все говорили, что напечатать мне его удастся не скоро. Они оказались правы. Я послал его в «Новый мир» и получил хорошую рецензию Кондратовича с рекомендацией журналу – печатать (позже я узнал, что Кондратович был замом Твардовского).

Главным в «Новом мире» тогда был Наровчатов, но он вскоре умер. Пришел Карпов, и через два года рассказ мне вернули. Я перебрался в Москву и снова решил предложить его в журнал. Послал в «Наш современник».

Ходить по редакциям журналов и издательств я стеснялся. До сих пор чувствую неловкость, входя в комнаты отделов прозы. Мне кажется, что хозяева спросят, зачем я сюда приперся, и погонят. «Наш современник» откликнулся быстро, меня вызвали в редакцию. Фатима Бучнева встретила приветливо, удивилась, что я плотник и молод, сказала, что «Тамбовскую степь» они напечатать не могут, чтобы я

показал другие рассказы. Пока я готовил другие рассказы, Бучнева ушла из журнала, а новых редакторов я не смог заинтересовать, хотя показывал всё, что писал.

Рассказ «В тамбовской степи» я напечатал только через четырнадцать лет. Три книги вышло у меня в разных издательствах, из всех выбрасывали. Тогда я схитрил, включил его в роман «Заросли», как, якобы, написанный одним из персонажей Петром Антошкиным. Я не могу сказать, что он влился в роман органично, но, во-первых, очень хотелось увидеть его опубликованным; во-вторых, в романе мне хотелось показать жизнь нашего общества как можно шире. И этой цели он служил.

А в те дни юности мне очень хотелось напечататься. Хотя и признан я был в областной студии, но не чувствовал себя там комфортно. Почти все ребята печатались, а у меня ни строчки. Тогда я стал искать, чтобы такое написать, чтобы и мне было интересно и напечатать можно. Все редакции охотно печатали о рабочем классе. А я сам был рабочим, с ХТЗ я ушел, был паркетчиком на стройке. И решил я описать один день из жизни бригады паркетчиков. Придумал сюжет и написал повестушку «Хочешь, я расскажу тебе сказку...».

В Харькове готовился сборник «Солнечные зажинки». «Тамбовскую степь» не хотели печатать, просили принести о рабочих. Закончил повесть я летом. Студии на каникулах. Сразу перепечатал и отдал в издательство. Там мне ответи-

ли: годится! Только сократим. Велика для сборника. Название изменим, назовем «Рачонок, Кондрашин и др.» Я обрадовался, тут же собрал свои рассказы, повесть, оформил в единую рукопись, в папку и по почте в Киев в издательство «Молодь».

Осень, занятия в студии. Несу повесть на обсуждение. На ХТЗ раскритиковали. Я решил – не поняли! Подправил явные ляпы, и в областную студию. Ох, и потоптались там на ней! Стыдно было, что послал в Киев. Как там теперь надо мной потешаются!.. Ответ с рецензией и с рукописью пришел быстро. Редактор Иван Кирий писал, что рукопись им подошла, что рассказы они печатать не будут, берут одну повесть. Нужно заменить название. Если я за один месяц смогу дописать ее, увеличить страниц на тридцать-сорок, то книга может выйти в следующем году. Я был ошарашен. Повесть я уже выбросил, поставил на ней крест. И вдруг такое! И как ее можно увеличить? Всё, что хотел, я уже написал. Как быть? Неделю мучился, еще неделю обдумывал разные варианты, две недели писал-перепечатывал. И точно в срок отправил повесть, назвав ее «Всё впереди».

Через полгода получил верстку, а через три месяца сигнальный экземпляр книги. В издательстве я ни разу не был, не знал, как оно выглядит. С редактором встречался только один раз, в Доме творчества в Ирпене, где проходила встреча двух студий – ХТЗ и киевского завода «Арсенал». Таких встреч студий было много. Книга «Всё впереди» вышла в ре-

кордно короткий срок для молодого автора, ровно через год, как я отправил рукопись в издательство. Но повесть слаба, и в трехтомнике ее нет. Были на нее дежурные отклики, говорили и читали по радио, но говорили не о ее художественных достоинствах, а о том, что ее написал молодой паркетчик. Умалчивали о том, что этот паркетчик учится во втором институте. Но как бы эта повесть, на мой взгляд, ни была слаба, я до сих пор думаю, что правильно сделал, что опубликовал ее. С выходом книги родился новый литератор. Какой бы он ни был слабенький, а он есть, он существует, он подал голосок.

Конечно, если бы с такой книгой вышел в свет сын интеллигентов, всосавший культуру с молоком матери, я не понял бы его. Но так сложилось, что имя любимого моего писателя Бунина, имя Лескова услышал я и прочитал в восемнадцать лет.

Помнится, когда мне было уже за двадцать, я был оглушен тремя книгами, неделю после каждой под впечатлением прочитанного жил, не видел ничего вокруг. Это – «Братья Карамазовы», «Мастер и Маргарита» и «Один день Ивана Денисовича». Очень поздно я открывал для себя мир настоящей литературы. У каждого своя тропинка! Главное, чтобы привела она к настоящим произведениям, к настоящей литературе. Кто помнит сейчас о моей книге «Всё впереди», кроме меня и двух-трех друзей, и кто ответит – был бы этот трехтомник, если бы не было этой повести, этой книги?

Вторая книга рассказов «Там, где солнечные дни» выходила в Харькове, как и положено, долго, переносилась из плана в план. Вышла, когда меня уже не было в Харькове, когда я поработал в Тюмени на строительстве железной дороги «Сургут – Уренгой» и перебрался в Москву.

В судьбе третьей, вышедшей в Москве в издательстве «Современник», интересен один факт: когда в редакции по работе с молодыми мне вернули рукопись с отрицательной рецензией, я, выйдя из редакции, вынул рецензию из папки и тут же отдал рукопись в редакцию прозы, в соседнюю комнату. Там вначале брать не хотели: молод, не член Союза писателей, но, узнав, что у меня две книги, взяли. Рецензировали дважды. И оба рецензента хорошо отзывались о ней. Книга вышла без приключений. Думается, помогло то, что журналы начали меня печатать.

Произошло это неожиданно. Я, конечно, стучался в двери журналов, но мне их не открывали. Никто за мной не стоял, я не стремился искать покровителей, чтобы замолвили за меня словечко, могли протолкнуть рассказ – стыдно было. Я не принадлежал ни к каким литературным кланам: критики ни с той, ни с другой стороны не включали мое имя в обоймы – я считал, что пока не достоин, что те, кого включают, талантливее меня.

Вспомнил сейчас о том времени и подумал: нам уже всем за сорок, а где же произведения тех, кого включали в обоймы лет пятнадцать назад, где они? Нет, сами-то бывшие моло-

дые писатели все живы и здоровы, я человек общительный, лично знаком почти с каждым, а книг нет. Желаю одного: дай Бог им хороших книг! От этого русская литература только станет богаче.

Однажды получил я телеграмму из журнала «Знамя» с приглашением зайти в редакцию. Я тогда работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», поступил я туда с улицы, по конкурсу, помогли уроки литстудии ХТЗ, где я научился неплохо разбирать произведения. Получил телеграмму и удивился. Я ничего не давал в журнал. Решил, что хотят пригласить меня на работу. Дело в том, что в издательстве я как-то сразу приобрел славу хорошего редактора, опять помогли уроки Гельфандбейна.

Через полтора года профсоюз издательства решил, что по итогам года я – лучший редактор в своей редакции. Меня стали зазывать на работу в журналы и издательства с повышением. Потому-то я и подумал, что «Знамя» предложит мне работу. Но я ошибся. Недавно я отнес рукопись очередной книги в издательство «Московский рабочий», и ее отдали на рецензию заведующей отделом прозы журнала «Знамя» Наталье Ивановой. Рукопись она одобрила, а одну повесть решила предложить в журнал. Для этого она и вызвала меня.

Повесть «В новом доме» была напечатана. Никто не знает, какое значение для моей литературной работы имела публикация этой повести в «Знамени». Я научился писать. И на-

учили меня редакторы журнала. Нет, они не задавались такой целью. Они просто были добросовестными редакторами, черкали мою повесть вдоль и поперек, вначале редактор, потом Наталья Иванова. Они черкали, а я внимательно следил, что вычеркивают, не возражал. Видел, они правы, текст становится лучше. Никто еще не редактировал так мои вещи. Мне было стыдно перед ними, что я так плохо пишу, что они думают: какой я слабак! Вряд ли читала Наталья Иванова после этого хотя бы одну мою строчку, и вряд ли знает, что я больше не пишу так, как писал.

Повесть «В новом доме» стала первой частью романа «Заросли», вошедшего в первый том сочинений. Я понимаю, что «Заросли» – не лучшее, что я написал, лучшее, на мой взгляд, – это роман «Время великой скорби. Эпизоды из жизни тамбовской деревни». Написал я этот роман тогда, когда, порвав с «Молодой гвардией», оказался на вольных хлебах.

Эти полтора года оказались самыми плодотворными. Я дописал романы «Заросли» и «Трясина» и написал первую часть романа «Время великой скорби», написал и направил с оказией в «Континент» и в «Грани».

Владимир Максимов ответил, что будет печатать главы из романа, спросил, какие книги у меня вышли: он хочет познакомиться со мной поближе, посмотреть книги в парижской библиотеке. Я засмеялся: откуда мои книги в Париже, сказал, что вот-вот выйдет мой роман «Заросли», и я непре-

менно пришло ему. Мне было приятно, когда шло по телевидению первое интервью с Владимиром Максимовым и всё время, в кадре, на столе перед ним была моя книга «Заросли».

В издательстве «Столица» с Владимиром Максимовым

Вскоре я стал директором издательства «Столица» и хотел печатать в издательстве книги Владимира Максимова и журнал «Континент». Как горько, что не получилось ни того, ни другого! Об этом я уже рассказал в документальной повести «Предательство». А разные главы из романа были опубликованы одновременно в «Континенте» и «Гранях».

Я все время жаждал одного: научиться, научиться писать

по-настоящему, чтобы тексты мои были художественными, чтобы читатели за моими книгами испытывали такие же чувства наслаждения, печали, счастья, какие вызывают у меня книги Бунина и Виктора Лихоносова. Мне хотелось знать, чего мне не хватает для этого, где искать, что делать? Я жаждал найти учителя, который откроет мне глаза. Я знал, что молодые ребята посылают свои вещи мастерам, но мне было стыдно за свои неуклюжие вещи. Но когда я уехал в Сибирь, в тайгу, остался без литературной среды, я рискнул, отправил рассказы Валентину Распутину и получил короткий вежливый отказ: завален рукописями, некогда читать. Я представил, как ему со всех сторон шлют рукописи такие же, как я, и если все читать и отвечать, то вряд ли у него останется время для своих книг, и не огорчился.

И всё же хотелось знать мнение мастера слова – на правильном ли я пути? Как мне работать дальше? Тогда мне было двадцать семь лет, и была у меня одна книга. Я снова рискнул, послал рассказы Виктору Астафьеву и удивительно быстро получил ответ. Буквально через две недели. Астафьев писал, что у меня есть нюх и слух, что литературная судьба моя только в моих руках, нужно работать, работать так, «чтоб зад трещал и шатало», когда поднимаешься из-за стола. Я был счастлив, окрылен поддержкой Астафьева. Я на правильном пути, а работать я любил, писать мог в любых условиях, научился отключаться, не слышать и не видеть, что происходит вокруг. Первую книгу написал в читальном

зале, вторую – в Сибири в холодной комнате общежития, сидя на кровати в валенках, в телогрейке и в ватных брюках, зажав между ног тумбочку: стола не было.

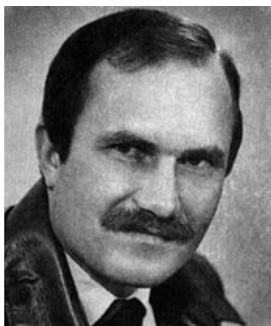
Однажды я писал на тумбочке, а рядом со мной ребята, с которыми я жил в комнате, попьянствовав, затеяли избивать своего приятеля. Они не мешали мне писать, а я не мешал им учить приятеля быть справедливым. Они меня уважали. Кстати, я был рабочим во многих местах, все знали, что я пишу, скрыть трудно, и относились к этому моему занятию спокойно, никогда не пытались вышучивать меня, иронизировать. Третью книгу я написал, лежа в кровати на животе, подложив для удобства под грудь подушку. Жили мы с женой в крошечной комнатухе. Стол поставить негде. Помнится, однажды я писал лежа, а маленькая моя жена забралась мне на спину, свернувшись клубком: слышу – уснула. Я писал, а она спала, согревая меня своим теплом, как котенок.

А киносценаристом из меня не получилось, хотя во ВГИКовском моем дипломе написано, что по специальности я киносценарист. Я писал киносценарии и заявки, носил их в киностудии, но всюду отказ, отказ, отказ. И вдруг – взяли. Я написал по повести Владимира Кучмиева «Я – гонимый» заявку на сценарий спортивного фильма. Ею заинтересовался «Мосфильм». Нашелся режиссер. Пригласили меня на встречу с ним. Шел с трепетом. О том, как ведут себя режиссеры со сценаристами, ходили по ВГИКу разные исто-

рии. Рассказывали, как одна выпускница ВГИКа во время работы с режиссером, после каждой встречи с ним, одиннадцать раз! ложилась в больницу с нервным истощением. Мой режиссер тоже оказался жестким, уверенным в себе. Один фильм его получил Серебряного Льва на Международном кинофестивале в Венеции. Мы договорились писать сценарий вместе. Я пишу, он исправляет. Работаем пока по одному. Сделали первый вариант, представили на «Мосфильм». Обсудили его там, сделали замечания и вернули нам на доработку. Все шло по плану.

Дорабатывать решили вместе в Доме ветеранов кино в Матвеевском. «Как мы будем работать? – волновался я, вспоминая ту сценаристку, которая многократно ложилась в больницу. – Не придется ли и мне вызывать скорую!» Я не ошибся. В конце первого дня работы над сценарием, вечером, мне пришлось вызвать скорую помощь: у режиссера случился сердечный приступ. Дорабатывал сценарий я один. Доработал, представил на «Мосфильм» в срок. Там его приняли, выплатили деньги и запустили в производство. К тому времени режиссер оклемался. Нужно было писать режиссерский сценарий. Мы договорились писать его вместе. На этот раз у режиссера случился инфаркт, а режиссерский сценарий писать я не умел. Там своя специфика: метры, кадры, секунды. Пока режиссер выздоравливал, фильм выбился из графика, и вылетел из плана. Так он и не появился на экране. После этого я еще два толкнулся в дверь

киностудии и уступил дорогу другим. Не моё.

Мне сорок три года. Самый плодотворный возраст для прозаика. Кое-что я уже написал. Три тома перед вами. Я не подвожу сейчас даже предварительных итогов – ведь заложен всего лишь фундамент. Дом пока только в моем воображении: никто не видит, никто не знает, каким он будет. Не знаю этого и я. До воплощения его путь не близкий. Сколько изменений, сколько уточнений произойдет за годы строительства! А сколько работы! И радостной, и мучительной...

Или так: корабль построен, спущен на воду, корабль у причала. Пора в путь! Какая будет дорога, какие приключения ожидают меня в пути, покажет жизнь. Я надеюсь, что со мной всегда будет мой Ангел и Бог! В путь! В путь!

Москва. Сентябрь 1992 г.

О писателях

Мой Леонид Леонов

1. Знакомство

Леонид Леонов. Не знаю, не помню, когда я впервые услышал это имя. Скорее всего в школе. И впервые прочитал его произведения поздно, хотя читал в детстве много, очень много.

Помнится, в пединституте на экзамене по советской литературе мне достался билет с его знаменитым романом «Русский лес». Роман я не читал, но мне повезло: перед началом экзаменов возле аудитории мои однокурсницы разговаривали об этом романе, и одна из них пересказала содержание. Я бойко и уверенно выплеснул перед профессором все то, что услышал. На вопрос профессора – «как я считаю, покончило собой Грацианский или нет?», – ответил с таким видом, будто об этом и спрашивать не надо, ответ очевиден. Из аудитории я выходил с очередным «отлично» в зачетке и с чувством облегчения – еще одно испытание позади, слава Богу, удалось выкрутиться. Кто такой Грацианский, и чего добивался Вихров, узнать не хотелось. Сразу за порогом аудито-

рии я о них напрочь забыл. И если бы кто-нибудь сказал мне в то время, что ровно через двадцать лет автор «Русского леса» скажет мне, что после знакомства со мной жизнь его преобразилась, я бы, естественно, бросился читать его романы.

Позже, когда я уже закончил второй институт, ВГИК, и перебрался в Москву я прочитал почти все его романы. В то время все помыслы мои были связаны с литературой: только одно томило душу, только одно заботило, мучило – как научиться хорошо писать! Как научиться так соединять слова, чтобы то, что чувствую и вижу я в своем воображении, также ярко и сильно увидел и почувствовал читатель. Я читал книги с одной целью, чтобы понять, как писатель добивается того, что я не вижу слов, а вижу только то, что он описывает, живу в выдуманном им мире. Страстно хотелось научиться тому же.

В тот момент в руки мне попала книга о Леониде Леонове, изданная, вероятно, к его восьмидесятилетию. Я прочитал, с каким восхищением критики описывают его литературное мастерство, и засел за романы Леонова с той же мыслью: поучиться писать у великого мастера. Прочитал «Русский лес», «Вор», «Барсуки», «Соть» и сказал себе: Нет! Это не мой писатель. Я люблю ясность, легкий простой слог, энергичные фразы. Бунин, Чехов, Достоевский – вот с кем хотелось соперничать!

Леонид Леонов к этому времени отошел от активной литературной жизни, не выступал в печати, на съездах-пле-

нумах, не публиковал новых произведений. О нем ничего не было слышно. Как живет? Чем живет? Никаких признаков жизни?

Помню, в конце мая 1989 года, как обычно, смотрел передачу «Время» по телевизору. Вдруг услышал, что Леониду Леонову 90 лет, и что Горбачев приехал к нему домой, поздравить. Вижу совершенно изможденного, худого старика, согбенного с невнятной речью, еле поднявшегося из кресла навстречу президенту.

– Не жалец, – с горечью и жалостью подумалось тогда. – Доживает последние дни!

Вспомнился Шолохов, его последние фотографии, где он был такой же изможденный, высохший. Я тогда издавал его публицистическую книгу «Земле нужны молодые руки», был редактором-составителем, но работал не с ним, а с его дочерью. Он был болен. И та книга оказалась его последней предсмертной книгой.

Дня через три после выхода сигнала Шолохов умер.

Осенью 1992 года в пестром зале ЦДЛ писатель Николай Дорошенко спросил у меня:

– Хочешь издать новый роман Леонида Леонова?

– Неси, – пошутил я.

Издательство «Голос» к тому времени прочно встало на ноги, приобрело известность среди писателей.

Дорошенко сидел напротив меня, как обычно, скручивая пальцами нитку из фильтра сигареты. Это было его люби-

мым занятием. Крутил неторопливо, опустив свои мелиховские нос, усы, чуб к столу, задумчиво глядел, как вытягивается коричневая от никотина нить, и медленно говорил:

– Это не так просто... Он еще над ним работает. Никому в руки не дает... Давай, сходим к нему как-нибудь... Я позвоню, договорюсь...

Я вспомнил, как давным-давно слышал, что Леонид пишет новый роман. Даже читая отрывки в журнале, вспомнил, что называлась одна из опубликованных глав «Мироздание по Дымкову» что-то такое старческое, многоумное, понять трудно.

– Только имей в виду, – говорил Дорошенко, по-прежнему глядя как тянется коричневая нить, – это не легкое чтение... Философия... Элитарная литература... Большим тиражом издавать нельзя.

– Посмотрим.

Николай Дорошенко

Мы условились, что Дорошенко позвонит Леонову, договорится о встрече и скажет мне, когда он нас примет.

Жил Леонид Леонов на улице Герцена, неподалеку от ЦДЛ, где мы встретились с Дорошенко. По дороге к дому Леонова, Коля снова говорил мне, что роман сложный, не дописан еще, но издать его большая честь, все-таки Леонид Леонов. Я молчал, волновался: сейчас увижу живого классика, буду разговаривать с ним. Я представлял его таким, каким видел два с половиной года назад с Горбачевым.

Леонид Леонов открыл нам дверь сам, открыл, глянул на меня острым глазом, другой, прищуренный, как бы спря-

тался глубоко в глазнице, за веками, под белой жесткой бровью, и было впечатление, что оттуда он хитренько и постоянно изучает, оценивает тебя, протянул худую теплую руку для пожатия и хрипло сказал:

– Проходите, проходите.

Леонид Леонов

Он довольно энергично двинулся впереди нас по коридору в свой кабинет.

Там я увидел Бориса Стукалина, бывшего министра печати. Я знал, что Леонов пригласил его, чтобы он присутствовал при разговоре со мной, издателем, знал, что Леонид Максимович дружил с ним издавна, доверял ему, и понимал, что Стукалин должен следить за тем, чтобы я не обманул Леонова, когда мы будем обговаривать условия договора. Они знали, что я буду вести разговор и о переиздании романа «Вор». С Борисом Стукалиным я был немного зна-

ком. Он мой земляк, тамбовский, школу заканчивал в Уварове в нашем райцентре. Правда, было это задолго до моего рождения.

Кабинет Леонова был довольно большой, с балконом. Письменный стол высокий, весь завален листами бумаги, уставлен книгами; книжные шкафы всюду; кровать, отгороженная шкафом. Видимо, он здесь же спал.

У Леонида Леонова

Леонид Леонов притащил из дальнего угла комнаты одно за другим два деревянных старинных кресла, не подни-

мая, а двигая ножками по дубовому паркету, установил их напротив своего мягкого зеленого кресла, стоявшего у стены рядом с журнальным столиком с лампой и старым портативным радиоприемником, сел в свое низкое продавленное от частого долгого пользования кресло, выставил вверх острые худые колени, взял со столика, из-под горевшей лампы маленькие ножницы и глянул на меня прежним острым взглядом. Я пока не знал, что он совсем плохо видит.

– Вы знакомы с Борисом Ивановичем? – спросил он.

– Даже земляки. Тамбовские...

– Вот как? – удивился он. – Это хорошо.

– Леонид Максимович, я привез вам свои книги, – щелкнул я замками кейса и протянул ему только что вышедшие тома своих сочинений.

Леонов взял книги, погладил их пальцами, поласкал, подержал в руке, не открывая, одобрил:

– Хорошо издали! – и отложил на столик. – О чем Вы пишете?

Для меня это самый трудный вопрос. Обычно я отвечаю, как ответил ему:

– О жизни... О том, что сейчас происходит. Правда, во втором томе роман для меня исторический, начало двадцатых, восстание Антонова на Тамбовщине. Писал по архивным документам. Раньше их скрывали от писателей.

– Да, да, Антонов, Тухачевский... Страшное время было, страшное... помню, помню...

Я рассматривал его лицо с неподвижной от паралича одной стороной. Сухие бескровные щеки, редкие изжелта-седые волосы зачесанные назад, казалось, что от старости они стали зеленеть. Говорил он тихо, хрипло, невнятно, одним краешком рта, и все время вертел в руке ножницы, играл ими. Я напрягался, чтобы понять, что говорит он. Завели разговор о его романе. Оказалось, что название у него «Пирамида», а не «Мироздание по Дымкову», как я считал.

– Рано его публиковать, рано, – сразу заявил Леонов. – Работы много, целые главы писать надо, куски вставлять, сшивать... Может, и не допишу, уйду туда.

Но заключить договор с издательством «Голос» он был готов. Только непременно нужно было указать в договоре, что он имеет право работать над текстом столько, сколько потребуется, а самое главное, что издательство ежемесячно будет платить зарплату редактору романа Ольге Александровне Овчаренко, которой он чуть ли не ежедневно диктовал вставки, куски романа и целые главы. Сам он уже писать не мог, не видел. Эти условия были приемлемы для нас. Очень долго обсуждали, как печатать. Леонов сомневался, что доделает роман, и предлагал печатать так: там, где глава не дописана, курсивом, от имени редактора делать вставки, мол, здесь автор не дописал, но хотел он сказать то-то и то-то, тут с героями должно произойти то-то и то-то. Из разговора я решил, что роман написан отдельными главами, которые нужно пополнять и пополнять, чтобы повествование

стало стройным, последовательным.

– Идемте, я покажу вам роман, – сказал мне Леонов. Мы все четверо направились в другую комнату, где на столе лежали стопкой, возвышались чуть ли не на полметра пять толстенных папок.

– Вот, – указал на них Леонов. – Сорок лет писал. Он взял верхнюю, развязал, открыл. Первый лист весь был склеен из кусочков бумаги с напечатанными разными шрифтами строчками.

– Только один экземпляр... Если хотите почитать, приходите ко мне и читайте. С собой не дам.

То же самое он предложил и Стукалину с Дорошенко. Оказывается, они тоже не читали роман.

– А если ксерокопировать его? – спросил я.

– Можно... но только с собой не дам.

– Мы можем сюда ксерокс принести и снять копию. – У нас в издательстве был маленький ксерокс.

– Мне сказали, его нужно две недели ксерокопировать, а как же я работать буду, шум. Нет нельзя...

Я был в недоумении: как же почитать роман, посмотреть, что мы будем печатать? В тот вечер так мы этот вопрос и не решили. Договорились, что мы со Стукалиным подготовим договора на издание «Пирамиды» и «Вора» и приедем к Леонову подписывать.

С изданием «Вора» была маленькая проблема. У Леонова был договор с издательством «Современник», там даже

набрали его, но не печатали, нет средств. Стукалин обещал позвонить директору издательства и спросить, не будет ли он возражать, если роман напечатает другое издательство. Я просил Борис Ивановича ни в коем случае не говорить, что печатать собирается «Голос». Я знал, как только он назовет нас, «Современник» скажет, что сами напечатают. И действительно напечатают. Было уже такое.

Я предложил Валентину Распутину издать трехтомник его сочинений. Только что мы выпустили сборник его повестей. Распутин был не против, но сказал, что о моем предложении поговорит в издательстве «Молодая гвардия», так как он давний автор этого издательства, и ему неудобно без их ведома печатать собрание сочинений в другом месте. Если «Молодая гвардия» не собирается выпускать его сочинения, то Распутин готов сотрудничать с нами. Как после он рассказывал мне, в «Молодой гвардии», конечно, не планировали издавать трехтомник, но как только узнали, что Алешкин желает это сделать, тут же изъявили готовность заключить с ним договор. И выпустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.